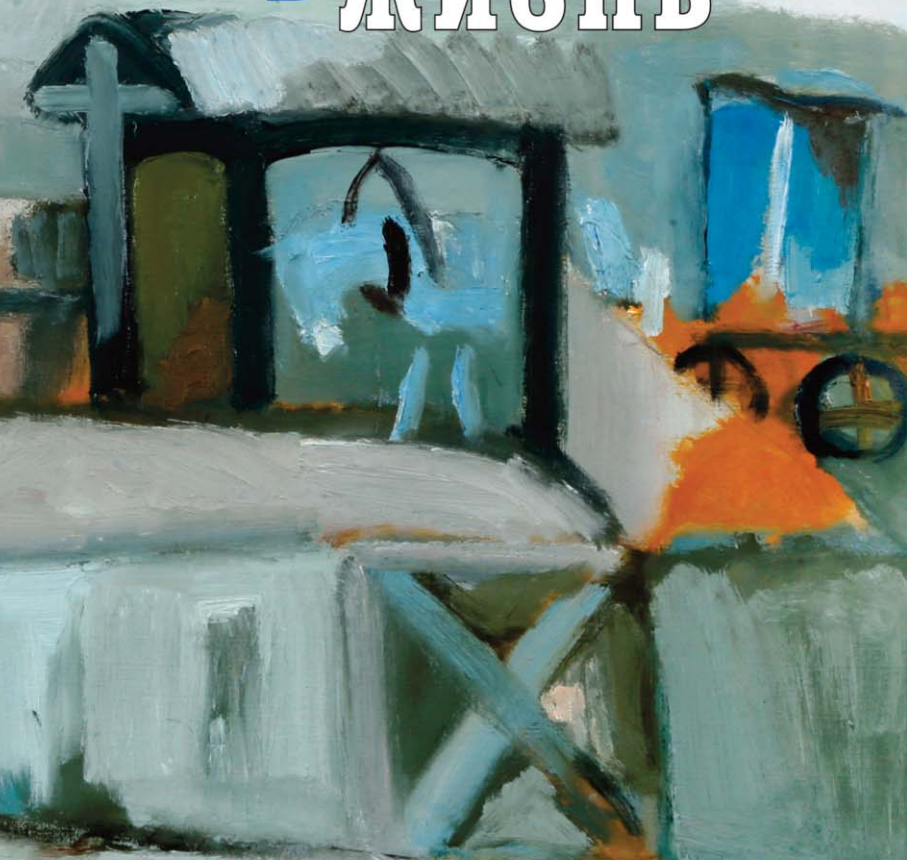

БОРИС **А**ЛЕКСЕЕВ

**НЕДЕЛЯ
ДЛИННОЮ
В ЖИЗНЬ**

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

НЕДЕЛЯ
ДЛИНОЮ
В ЖИЗНЬ

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

**НЕДЕЛЯ
ДЛИННОЮ
В ЖИЗНЬ**

ХУДОЖНИК
ВАЛЕРИЙ БАБИН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)
А 47

А 47 Алексеев, Борис Алексеевич

Неделя длиною в жизнь: эссе / Борис Алексеев. —
Москва: Издательство «ОБРАЗ», 2017. — 120 с.

ISBN 978-5-9909135-8-5

Книга Бориса Алексеева «Неделя длиною в жизнь» — это сборник ярких эссе, в которых автор поднимает важные (и вечные!) философские вопросы, рассуждает о литературном творчестве, «о ремесле творца, жизни в искусстве и просто о смысле жизни. Размышляя над природой человеческих добродетелей и пороков, Борис Алексеев, поэт и иконописец, пытается определить место Бога в жизни современного человека, на просторах «житейского моря».

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ.

В отдельных случаях сохранены орфография и пунктуация оригинала. Примечания автора. Мнение автора может не совпадать с позицией издательства.

Все права защищены.

© Борис Алексеев, текст, 2017
© Эдуард Побужанский, вступление, 2017
© ОБРАЗ, оформление, 2017

КНИГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

БОРИС АЛЕКСЕЕВ БЫЛ ИЗВЕСТЕН МНЕ как автор талантливых стихов: его поэтические подборки неоднократно публиковались в редактируемом мной ежегодном альманахе «Образ». И когда он прислал в издательство рукопись новой книги, я ничуть не сомневался, что это сборник стихов. И — ошибся.

Определить жанр «Недели длиною в жизнь» не так просто. Что это? Литературные эссе? Документальные наброски? Бытовые зарисовки? Философско-религиозные притчи? И то, и другое, и третье, и что-то ещё. И главное: сквозь текст (иногда критически предвзятый, нередко церковно-витиеватый) объёмно проступает многогранная фигура автора, поэта и иконописца, — человека пытливого, думающего, остро чувствующего красоту окружающего мира и принимающего на свой счёт всё происходящее в нём.

Образная насыщенность, стилистическая изощрённость (я бы сказал даже, некоторая избыточность) делает письмо Бориса Алексева густым, вязким, как мёд, и — да-да! — как мёд же, целебным. Однако эта нетолстая книжица весьма требовательна и к самому читателю: он должен быть настроен на неспешную, вдумчивую

беседу, должен быть готов вслед за смелым автором заглянуть в себя, в самую глубину, и — не утрашиться.

О чём эта книга? Если кратко: о человеке и его соотнесённости с миром внешним и миром внутренним. Человек и Время. Человек и Бог. Человек и Родина. Человек и Творчество. Вопросы часто формулируются неявно, исподволь, а ответы неоднозначны и не универсальны. Ну так это же не проповедь, а скорее исповедь...

«Когда время распахнуло передо мной кулисы первых потерь, я узнал, что в жизни существуют непредвиденные обстоятельства. И эти обстоятельства в один голос твердят мне страшные вещи: сад, где зацвела роза твоей молодости, на самом деле — минное поле».

У Бориса Алексеева получилась цельная книга — взрослая, мудрая, во многом итоговая. А с иллюстрациями блестящего московского живописца Валерия Бабина книга обрела дополнительную глубину и щемящую минорность.

С новой, умной книгой, читатель!

*Эдуард ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, член Союза писателей России,
главный редактор издательства «Образ»*

НЕДЕЛЯ
ДЛИННОЮ
В ЖИЗНЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАПИСАТЬ КНИГУ, пожалуй, так же трудно, как построить дом. Сколько разных материалов и времени требуется для этого! Однако я постарался минимизировать затраты. Эта «домовая книга» создана только из одного материала — моей собственной жизни. А времени потребовалось ровно неделя. Ведь неделя — это круг. У круга есть величина, но нет конца.

Дело закончено, и я приглашаю вас, уважаемый читатель, в гости!

Всё, что вы увидите в этом доме (карнизы, картины, перекрученная, как пучок нервов, электропроводка, лампочки и лампы внутреннего освещения и т. д.), — это мои сокровенные мысли и житейские переживания.

Должен сознаться: помимо искреннего гостеприимства, мною движет и крохотная «каверзная» цель: хочу взглянуть на собственную жизнь вашими глазами. И в том прошу вас быть ко мне придирчивыми и снисходительными одновременно.

Заходите, гости дорогие! Поглядите, какой великолепный узор Бродского письма встречает вас над входом:

*Что, в сущности, и есть автопортрет.
Шаг в сторону от собственного тела...*

Борис АЛЕКСЕЕВ

ПН **ВТ** **СР** **ЧТ** **ПТ** **СБ** **ВС**

ПОНЕДЕЛЬНИК

*Бей в барабан, пока держишь палочки,
с тенью своей маршируя в ногу!*

*Иосиф Бродский
(«1972 год»)*

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

ВЫТАПТЫВАЯ СПИРАЛЬ собственной судьбы, мы ежегодно «спотыкаемся» об один и тот же довольно странный день. С раннего утра без умолку звонит телефон. Люди знакомые и незнакомые рассыпаются в комплиментах, желают крепкого здоровья и личных успехов (даже если эти успехи идут вразрез с интересами самого комплиментатора).

Этот странный день называется «день рождения». И хотя настоящий день рождения давно канул в Лету, его клоны один раз в год испытывают наше самолюбие льстивыми речами.

«Ну зачем же так едко! — скажете вы. — Зачем добрых и искренне любящих людей чернить как недостойных льстецов и подхалимов! Привычка к осуждению, дай ей волю, готова ис-

портить огромный окружающий мир добра. Стоит ли вредить самому себе?»

Вы правы. Прикровенный смысл «рождественских потрясений» в том и состоит, чтобы мы научились радоваться друг другу, искренне желать другому человеку благо и не высчитывать при этом собственную выгоду.

У меня сегодня день рождения! В приподнятом настроении сажусь за рабочий стол, открываю почту и вижу ворох новых писем.

«Ого, — думаю, — кому-то я стал интересен!» Меня поздравляют: портал «Мэйл.ру», какие-то малознакомые ресурсы и пр. Поначалу возникает чувство отторжения: заздравируют компьютеры, а не живые люди. Пометив поздравительные депеши, я решительно кликаю «Удалить!» и облегчённо выдыхаю, как после генеральной уборки.

Но проходит совсем немного времени, и становится обидно — в почтовом ящике не осталось ни одного хорошего обо мне слова. Одни обязательства и платежи.

«Вернуть, что ли? — закрадывается шальная мысль. — Ведь этот „льстец-компьютер“, этот безмозглый кусок железа передал мне поздравительное письмо, заготовленное человеком для че-

ловека. И написал его не треножка-транзистор, а живой влюбчивый программист. Именно он заложил в программу этот мажорный текст, радуясь нашей гипотетической встрече в будущем! А я?.. Бросил в корзину лучший алгоритм, когда-либо созданный вдохновенным гением человека!»

И так-то тепло стало на душе! Я зримо представил фотоны человеческого добра, летящие по коннекторам мобильной связи на мой ежегодный праздник. В этом мудром алгоритме мне почудилась поздравительная интонация из собственного будущего!..

А под вечер за рюмкой чая я вспоминал за здравные события уходящего дня и мечтательно рассуждал: «Что ж, день рождения удался!»

Приняв сердцем электронную здравицу, я открыл в себе способность быть свободным от недоверия и пошлой подозрительности (ах, кабы чего не вышло!). Мне захотелось стать человеком, для которого доброе слово — верховная и единственно правильная форма общения с миром.

«Команда „Мэйл.ру“ поздравляет вас с прошедшим юбилеем!» — зевая, высветил полуночный дисплей. Что ж, в этом году мой день рождения действительно оказался не клоном!

СОБСТВЕННИК ВРЕМЕНИ

ЕСЛИ ВСЁ В ЭТОМ МИРЕ так или иначе кому-то принадлежит, объясните мне, бестолковому, кому принадлежит время?

Известно: ничто не происходит из ничего. Время не рождается из будущего и не умирает в прошлом. Оно как бы «прокатывается» через наше бытие, при этом дважды меняя собственное определение, — от будущего к настоящему и от настоящего к прошедшему?

Спрессованное формулами теории относительности, израненное физическими экспериментами, растраченное на однодневные человеческие заботы (революции, войны, Олимпийские игры и пр.), оно возвращается в небытие и там, «бинтуя раны», успокаивается. Время покидает нашу

жизнь, не оглядываясь на события, которые произошли с его участием.

Я против такого «бесхозного» отношения к исторической собственности и потому смею утверждать: именно я являюсь реальным владельцем прожитого мною полувека. Лично мне принадлежит вторая половина двадцатого столетия.

— Что же тогда принадлежит мне? — воскликнет мой школьный товарищ.

— Нам с тобою, мой «юный друг», — отвечу я, — делить нечего. Мне досталась в наследство от времени моя половина, а тебе — твоя. Владения наши светлые, вдохновенные, лакомые для будущих пересмешников...

Как поросль кустарника, высаженного вдоль главной столбовой дороги, мы росли и ветвились под палящим солнцем времени. По широкой асфальтовой полосе, помеченной верстовыми столбами-пятылетками, маршировали грузные члены Политбюро ЦК КПСС. А чуть поодаль, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, набитых тушёнкой и нотами, шли садовники, тайные «повелители придорожного сада». Юра Визбор вычёсывал кудри молодых побегов гребёнкой любимого ре-минора. Володя Высоцкий прорастивал в трещинах на асфальте целые семейства придорожной поросли.

А рядом гонял мячик русский Пеле — Эдик Стрельцов. Поглядеть на «Стрельца» собирались стадионы! Помните его знаменитый пас пяткой?

Из подвалов, минуя благополучные перекрытия этажей, прорастал в небо дивный лотос — таинственный «русский андеграунд». Искусство, которое до сих пор клюют и не могут расклевать специалисты капиталистического миропонимания. Да, было время!..

Похоже на агитку? Согласен, нелегко на словах передать запах розы. Как ни клавиатура, пахнет текст мылом, и точка! А всё потому, что розы давно нет, и аромат её «внутреннего содержания» за годы перестройки время развеяло по ветру (странное это слово — «перестройка», ненадёжное). От нашего с товарищем контрольного пакета житейской собственности второй половины двадцатого века всего-то осталось: косноязычие очевидцев, заказная документалистика и творческая полуправда художественных экспонатов. Мало.

До сих пор гадаю, как мне «удалось» ни разу не взглянуть на живого Высоцкого.

Каждый день мой грандиозный современник царствовал в «садах придорожных», только подойди ближе — вот он! Я же по молодости лет полагаю, что мгновение вечно и таким будет всегда.

Когда время распахнуло передо мной кулисы первых потерь, я узнал, что в жизни существуют непредвиденные обстоятельства. И эти обстоятельства в один голос твердят мне страшные вещи: сад, где зацвела роза твоей молодости, на самом деле — минное поле. Поэтому не следует шагать и радоваться одновременно. И вообще, всё предстоящее таит опасность!

Трудно стало верить в светлое будущее и планировать завтрашний день, глядя не поверх горизонта, как нас учили в советской школе, а в карту минных растяжек и маскировочный рельеф местности.

Однако нет худа без добра. Я понял, существует великое разнообразие форм жизни, многие из которых мне попросту не ведомы.

Как-то утром подходит сзади браток и говорит плохо:

— Это моё.

— Простите, вы, наверное, обознались, — отвечаю я, поправляя очки, — это моя правда!

— Э, не! — «брат» щерится отточенной дантистом фиксой. — Кончилась твоя правда.

И он прав! Я нечаянно заглянул в чужой амбар. Стоит он на месте моего и похож на мой, да не мой. «Хозяин, — печалится сердобольный

киргиз, — пришёл ночью человек, сломал твой амбар. Новый построил...»

То-то не спалось мне, как перед холодами.

Судиться с «застройщиком» — дело бесполезное. Судьи и присяжные нынче судят по закону нового амбара и о моей правде скажут: «Попытка свержения существующего строя!»

Остаётся одно — уйти с главной дороги и бродить по свету сколько хватит сил, обходя чужие постройки и воронки от разорвавшихся мин на том самом розовом поле. Бесплатно наслаждаться воздухом и перелистывать в памяти страницы контрольного пакета житейской собственности второй половины двадцатого века.

Вернее, то, что от него осталось: косноязычие очевидцев, пожелтевшие фотки да несколько альбомов издательства «Аврора», иллюстрированные полуправдой художественного вымысла. Мало...

СТРАСТИ ПО ФЕЙСБУКУ

— СТАРИК, ЧИРКНИ ПО ПРИЕЗДУ на Фейсбук.
Пока!

— Пока.

Он прыгнул в «Опель», а я отправился домой собирать вещи к будущему путешествию.

«Как я чиркну, если у меня его нет?» — думал я, перевязывая чемоданы.

Наступил вечер. Я сел за компьютер и набрал «Создать Фейсбук».

С экрана, будто расшатавшаяся пирамида чемоданов, на меня вывалился набор вариантов, и каждый из них спрашивал: «Ты кто?» Я попытался сформулировать электронную версию собственного «я» — емэйл, логин, пароль, что-то ещё, но через двадцать минут понял: моя жиз-

ненная линия увязла в болотной ряске дурацких, ненужных формальностей.

Однако процесс моей антропоморфной идентификации стал стремительно набирать обороты. Замигал индикатор почты. Я открыл «Входящие» и поразился огромному количеству незнакомых мне людей, предлагающих свою дружбу. Внимательно просмотрев список добровольцев, я принял приглашение двух-трёх человек, кого, сейчас уже не помню. «Ладно, — рассудил я, — одному жить нехорошо». Не прошло минуты, как в мою почту начали врываться новые и новые «будущие друзья». Особенно настойчивой оказалась некая Влада из Житомира. Мой компьютер буквально затрясло от её откровенной фотосессии.

Вслед за компьютером затрясло и меня. «Ну уж хватит!» — я отключил аппаратуру и вышел прогуляться по вечернему городу. Не тут-то было! Следом, ломая кустарник, выбегая на проезжую часть, шло огромное тучное стадо доброжелателей. Каждый член стада жестом руки указывал на меня, потом на себя и широко улыбался, предчувствуя радость нашего будущего знакомства. Девушки шелестели оборками платьев, смело открывали плечи, поднимали вверх маленькие цветные ноутбуки, подбрасывали их в воздух, рдели

и таяли от одной, видимо, мысли о нашем грядущем знакомстве. Крепкие реальные пацаны курили на ходу, сплёвывали зажёванные жвачки и беззлобно матерились, как в немом кино. В толпе оказалось большое количество людей преклонного возраста, но с каждым шагом они всё более отставали, кто-то падал, кто-то, тяжело дыша, поворачивал назад и исчезал на соседних улицах.

Я старался идти быстро, сохраняя дистанцию с толпой. Вскоре почувствовал, что выбиваюсь из сил, и стал искать автобусную остановку, намереваясь улизнуть под самым носом доброжелателей. Вдалеке показалась знакомая «девятка». Она не спеша свернула с Даниловской площади на Серпуховский вал и стала приближаться. Я вычислил примерное время нашей с ней встречи и бросился к остановке. Толпа вздрогнула, немного отпрянула назад, как бы для разгона, и затем устремилась вслед, выбрасывая на ходу всё лишнее — куртки, ноутбуки, фотографии...

Я добежал до автобуса первым. Но как только открылись шторы входных дверей, на меня из салона посыпались новые добровольцы и доброжелатели. Наконец автобус настигла и бегущая толпа. Доброжелатели перемешались с добровольцами. Они что-то кричали, хлопали друг друга

по плечам, знакомились, обменивались какими-то пустяками...

Я выбрался из толпы и отбежал в сторону, не в силах более глядеть на возбуждённое человеческое месиво. Под шумок происходящего я побрёл домой, твёрдо решив наутро выбросить старый компьютер, заражённый вирусом человеческого взаимного возбуждения, и купить новенький, в котором никогда, до самой моей смерти не будет ни Фейсбука, ни любопытных, как пираньи, «Одноклассников».

Никого — слышите, никого! — из тех, «Вконтактах» с которыми я не нуждаюсь.

ПН **ВТ** **СР** **ЧТ** **ПТ** **СБ** **ВС**

ВТОРНИК

*Не в том суть жизни, что в ней есть,
Но в вере в то, что в ней должно быть.*

*Иосиф Бродский
(«Пень без музыки»)*

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

СТАРШИЙ КОТЕЛЬНОЙ СМЕНЫ Пётр Самарин вернулся домой, отужинал (ну, выпил, конечно), проводил жену до дверей спальни и присел у компьютера. Каждый свободный вечер он посвящал обстоятельным литературным упражнениям.

Со стороны это выглядело так. Как только Пётр открывал новый свеженький *Word*, рядом с монитором материализовалась некая *Литературная дама*. Она наблюдала за движением его указательного пальца (несмотря на регулярные литературные упражнения, Пётр научился печатать только одним пальцем) и всякий раз нервно реагировала на смысл напечатанного. Её постоянные вздохи и шорохи (дама хмурилась, теребила оборки роскошного пенистого платья) поначалу

отвлекали и раздражали сочинителя. Ему хотелось её прогнать. Но с каждым днём Пётр привыкал к своей нервной собеседнице всё более.

И теперь, садясь за клавиатуру, он поднимал вверх указательный палец, хитро оглядывался по сторонам и не приступал к творческому акту, пока его добродушная улыбка не встречалась с высокомерным взглядом *Литературной дамы*.

Да, она смотрела на Петрушино творчество через призму эгоизма высокой литературы и в то же время беззастенчиво пользовалась сочинителем, удовлетворяя за его счёт свои экстравагантные желания и капризы. То купи ей новый процессор, то издай книжку за собственные деньги, то отвези к морю на впечатления... «Дорого иметь любовницу, ох, дорого», — вздыхал Пётр, но ничего с собой поделать не мог. Страсть к написанию владела им совершенно.

Аварийные ситуации на работе часто отвлекали Петра от созерцания статной высокомерной женщины с фиалкой в руке. Но стоило ему под утро прийти домой, повернуться к компьютеру спиной и, шатаясь от усталости, направиться в спальню, дама садилась рядом на кровать, заглядывала ему в глаза и, пока жена спала, шептала очень-очень соблазнительные вещи!

Вот и сегодня Пётр задумчиво перебирал литеры новенькой клавиатуры и поглядывал из-под руки на присевшую неподалёку литераторшу.

Наконец в нём открылся поток сознания, и работа началась. С каждой минутой всё более радуясь написанному, он жмурился от творческого удовольствия и удивлялся, отчего гостья не радуется вместе с ним, ведь хорошо же! К полуночи стало понятно, что развеселить даму сегодня (впрочем, как и всегда) не удастся.

— Что ж, слава Богу за всё! И за это тоже, — процитировал он древнего Иоанна Златоуста, выключил компьютер, почистил зубы и тихонько забрался под одеяло, поцеловав спящую жену в тёплое розовое плечико.

— Прощайте, прекрасная дама! — Пётр вяло улыбнулся и через минуту уже спал ровным, безмятежным сном, совершенно забыв поблагодарить Музу за очередной визит и проводить хотя бы до двери.

— Прощайте, Пётр! — огрызнулась та. — Чтоб я ещё...

Интересно, а как закончился этот же день у профессионального литератора Кормилова Париса Прокопьевича?

А вот как.

До полудня литератор наваристо трудился над романом, диктуя текст эффектной *Литературной даме* из редакционного отдела Союза. Потом часа три они травили друг другу анекдоты и пили из рюмок крепкий, кажется, чай. А под вечер Парис не без труда выпроводил за порог возбуждённую и размалёванную будущей типографской краской литературную собеседницу. Прикрыв жилище, он повалился на ближайшую горизонталь со словами «Мгновенно истинное счастье!..» и погрузился в беспокойный прерывистый сон. Неудовлетворённое чувство творца то и дело сотрясало его сновидения образами злонамеренных критиков, придирчивых полиграфистов и просто отдельных чудовищ...

Да, закончили день наши герои по-разному. Судьба литератора незавидна, а вот Пётр молодец! Успел и деньги заработать, и повитийствовать перед сном, и выспаться, как человек...

И всё же надо сказать правду. Плох тот графоман, который не мечтает стать профессиональным литератором. Нельзя всю жизнь подавать надежды и увлекать за собой в никуда толпу простаков-поклонников.

Вы уж, любезный сочинитель, отложите перо да ступайте к жене в опочивальню. Нет? Тогда

кладите голову на плаху не полуночных дрём, но на пеньковую, рубленную топориком, отмеченную капельками пота и крови по краям. Тогда и узнаете, что за дама к вам по вечерам ходит, кудри льняные распускает.

Вот только на плахе пеньковой реально оглохнуть можно. Один Высоцкий чего стоит! Как гаркнет из сердцевины пня прямо в ухо: «Кровь давай, парень, выдавливай!..»

В живописи и музыке морочить людям голову гораздо труднее, чем в литературе. Немошь плохой картины или пустота бесцветной музыкальной фразы очевидны уже «в первом чтении». В литературе не так. Момент, когда начинаешь понимать, что перед тобой не литература, но литерное спагетти, порой прячется за обилием слов и оплаченных рецензий.

И ещё. Если мы хотим жить литературой, нам следует отсечь все прочие источники материального благополучия. Это как отправиться в Сахару с литром питьевой воды, понимая, что если через три дня не встретится колодец, ты превратишься в песок и исчезнешь с ладони собственной судьбы.

И иначе поступать нельзя! Накипь приятного времяпрепровождения оскверняет чест-

ный жертвенный труд и заливает даже самое сильное горло. Такое, с позволения сказать, «творчество» задыхается само в себе и вымирает, но не гулко, как вымирали мамонты, а как-то между прочим.

Так мрут грустные осенние мухи на мраморных подоконниках Центрального дома литераторов в Москве (Б. Никитская ул., 53/50, стр. 2). Сам видел.

РУССКОЕ ПОЛЕ «ПРЕМНОГОБЛАГОДАРЕНИЯ»

КОГДА ЧЕЛОВЕКУ ПРЕДЛАГАЮТ достать из кармана честно заработанные деньги и зарыть их на Поле чудес, не каждый на это согласится сразу. Жалко! Кому жалко хрустящие бумажки, кому — свой труд, проданный за типографский хлам с водяными знаками. Во всяком случае, есть о чём подумать.

Волны перестройки и пьяный «парад суверенитетов» выбросили из житейского моря на российский бережок целое семейство нового, неизвестного советской науке человеческого материала. Поначалу мало кто обращал внимание на диковинный морской подарочек. Но под жарким солнцем перемен он стал резко увеличиваться в размере. Его раздутая плоть превратилась в ог-

ромный скользкий утёс, не заметить который было уже невозможно. Утёс назвали «Русский олигархат». Красивое название, некая совокупность каганатов, европейских по форме и азиатских по существу.

Присвоив грандиозные анклавы госсобственности в период приватизации, укрепив себя юридическим беспределом в конце прошлого века, эта небольшая группа «товарищей» направила деньги во власть и стала властной реалией новой российской жизни.

Да, Россия сегодня — это Поле чудес. Но есть у нас волшебники и более тонкого рода. Зачем пачкать руки в красноте междоусобиц, подписывая липовые миллиардные договоры? Можно просто посмотреть внимательно на человека и спросить себя: «А что он хочет?» И предложить ему **это**, назначив скромное вознаграждение за свой труд.

Так поступили молодые гениальные парни, создав соцсети и творческие интернет-порталы. Об одном из таких порталов я и расскажу.

Кто не писал стихи! «Графомания» — слово вовсе не обидное. Когда мы в своей основной профессии не можем выразить собственное сердце, мы берёмся за перо, ведь слово — очень ёмкий элемент информационного общения между людьми.

Например, я говорю или пишу слово «небо». Сколько разной художественной краски мне потребуется, если я захочу изобразить небо во всём его разнообразии? А тут всего четыре буквы — и миллион небесных вариаций! Более того, слово — универсальный переводчик: писатель пишет «небо» — читатель видит своё небо.

Я начал писать стихи. Вскоре узнал о поэтическом портале «Стихи.ру», где каждый пишущий гражданин может бесплатно размещать вирши любого качества (цензура только правовая).

Свобода творческого общения, поэтическая география, лестные отзывы читателей — всё это реально кружит голову! Головокружение от поэтической демократии испытал и я.

Спустя некоторое время за кулисами этого грандиозного поэтического спектакля мне стала чудиться некая «тень Командора». Тень наблюдала безучастно со стороны за шалостями наивных графоманов и предлагала заигравшемуся «малышу» то стульчик, то новую игрушку, причём за совершенно смешные деньги. «Поэтические дети» росли, множились. Для того чтобы шалить более серьёзно, им приходилось отчислять «Командору» всё более серьёзные деньги, покупая его высочайшее внимание. «Командор»

не обижался, деньги брал и во всём ублажал своих привередливых поэтических клиентов.

Торжественный вечер в ЦДЛ, организованный порталом «Стихи.ру» и посвящённый награждению победителей литературного конкурса «Наследие». По размаху и количеству артистических украшений вечер явно презентует себя на звание московского литературного «Оскара». Главная «фенечка» торжества состоит в присутствии на вечере Её Императорского Высочества Великой княгини Марии Владимировны. Её Высочество награждает победителей. Звучат фанфары...

В тот вечер было много хорошей музыки, много корневых русских слов. Многочисленная охрана делала свою трудную работу незаметно. И то, что порой чуть громче, чем хотелось, раздавались команды из «ушей» миловидных вертухаев (перекрывших все входы и выходы), не нарушало общего праздника русской словесности.

...Союз писателей Москвы. Я с грустью брожу среди обшарпанных стен и ветхих лестничных маршей старого московского дома.

«Наверное, — думаю я, припоминая помпезный вечер в ЦДЛ, — так устроена диалектика жизни: большое ветшает и рушится, ему на смену приходит малое, свежее, сильное. Оно формиру-

ется незаметно и в один прекрасный день прорастает крепким стеблем. Наступает его пора цветения. Мощный сочный первоцвет выманивает пчёл из соседних пестиков и тычинок. Многолетняя флора прежних лет вянет в его тени. Он же тянется к солнцу и побеждает».

Я тронул рукой неопрятный фасад писательского гнезда и вопрошающе посмотрел в небо: «Неужели и в литературе господствует правило господина Дарвина?»

На ум пришла мысль: если не можешь изменить **это**, смирись и стань его частью, тогда у тебя появится вторая возможность выполнить задуманное, на этот раз изнутри.

Так однажды наступает день, когда «последний из могикан» некогда большого государственного дела дрожащей старческой рукой передаёт заветные скрижали молодому сильному воину. Тот с благодарностью принимает, и оба по молчаливому согласию «прощают» друг другу обиды прежних разногласий. Что ж, это нормально.

И пусть маститые литераторы отпускают профессиональные шуточки по поводу Стихиры и прочих интернетных самиздатов. Например, дивный русский писатель Евгений Водолазкин. Даже он в статье «О сверхсмысле двух искусств»

не удержался от едкой репризы: «...писателями в современной России считает себя примерно 700 тыс. человек. Формально говоря, все 700 тыс. имеют на это право: его, в частности, даёт интернет, принимающий все тексты — воспользуюсь хлёстким выражением С. С. Аверинцева — с гостеприимством кладбища».

Конечно, профи прав. Но, с другой стороны, как людям, очнувшимся от литературного забвения, иначе произнести первое слово? Как им, ненапечатанным, сформулировать и объяснить друг другу собственное переживание? Ведь для того и существует литература, чтобы мы научились понимать собеседника и прежде всего самих себя.

Поэтому дай-то Бог литературному portalу «Стихи.ру» всегда оставаться таким притягательно-демократичным и взростеть в мирном существовании с историей русской литературы.

А. И Б.

ВГЛЯДИТЕСЬ В ЭТУ ФОТОГРАФИЮ. Два выдающихся русских поэта, две птицы. Попели, попили от житейского озерца и улетели куда-то. А мы изучаем витиеватые следочки их лапок на песчаной отмели, оцифровываем старые магнитофонные записи, отливаем в бронзе.

С одной стороны, нам хочется подобрать ключи к их сердечным тайникам. В самом деле: и они, и мы созданы из одного теста. Их биографии — это наши нереализованные возможности.

С другой стороны, их независимость и непостижимость (аргументы, отрицающие наше с ними «общечеловеческое» интеллектуальное родство) не на шутку тревожат нас и возбуждают нездоровое любопытство.

Представьте: Пушкин, пистолеты, кровь на снегу, смерть... Сколько житейской атрибутики! «Поэты сделаны, — скажете вы, — из такого же «глинистого» вещества, как и мы».

Э, нет! Помните, как выглядит мёртвая птица? Распростёртые в неестественном положении крылья, запрокинутая головка с перепачканным клювом...

Ах, как убитый на дуэли поэт похож на эту мёртвую певунью!

Андрей и Белла... Слева на фотографии — форма, вытесанная из травертина, справа — живая ранимая лебедь. Андрей — мастер ритмических построений, Белла — тихий шелест камыша и высокий полёт стрижа в небе! Наверное, их тянуло друг к другу. Гротеск Вознесенского и глубина Ахмадулиной обозначили в поэзии два полюса, два разноимённых знака бесконечности. И не будет преувеличением сказать, что вся поэтическая среда второй половины XX века находится между ними (Бродский — забавное исключение).

Телевидение не упускало случая до последних дней показать Андрея и Беллу старыми и немощными. При этом мало кто замечал основную мысль этих репортажей. Лукавые тележурналисты предметно убеждали нас в том, что поэты — такие же люди, как все. Они старятся и умирают. И если божественная красота слова исходит из смертного начала, значит, нет нужды верить в Бога.

Лукавый бес знает, что Бог есть, он Его видел! Но на то он и лукавый, чтобы вводить нас в заблуждение. Наивного человека он зазывает в свою «старческую гримёрку», чтобы аргументировать наглядно: вот он, умирающий источник красоты, мнимо всё!

Снова змей подносит, как встарь, яблочко — смотрите, любуйтесь, пробуйте...

*Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше...*

Сальери понимал, что за птица этот Моцарт, откуда он родом.

Мы же ходим на могилы поэтов, чтобы поплакать у оградки, почитать стихи да, присев с друзь-

ями на лавочку, на помин души пропустить рюмашку. Проявление «творческого человеколюбия» теплит наши чувственные начала.

А по ночам, облокотившись на подоконник, мы мечтательно разглядываем звёзды, пишем стихи и ощущаем себя крылатыми, как они. Нам приятно заниматься перед сном литературой.

ОН ВЫПЛЫВЕТ!

— ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАНИМАЙТЕСЬ публицистикой! Пишите серьёзно, — Иван строго посмотрел на своего молодого коллегу, до которого ему не было никакого дела. Разве что жалко.

Иван страдал этакой профессиональной отзывчивостью, похвальной с точки зрения христианства, но совершенно невыносимой в условиях городской литературной жизни.

«Зашёл бы ко мне этот юнец вечером соседски в деревне, мы бы с ним за рюмкой чая побалакали! — мысли теснились в голове Ивана. — А предложу-ка я ему написать что-нибудь совместно! С моей стороны — имя, общая, так сказать, редакция, с его стороны — дерзновенное трудолюбие; пусть себе роет!»

Мысль Ивану понравилась. Просиживать с утра до вечера вертлявый стул с разрушенной механикой и плющить подушечки пальцев об алфавит клавиатуры — надоело до чёртиков! Жизнь проходит!..

Сколько раз, увлечённый созданием очередного текста, он отказывал себе в простых человеческих радостях! У него не было женщины. Не было друзей. Гонорары, которые оседали на его сберкнижке, в одночасье съела сволочная гайдоровская денежная реформа. Тогда же он перестал копить и зачастил по пивнушкам в поиске друзей и впечатлений. Друзей не приобрёл, но сорить деньгами научился. Рассыпая червонцы, не дотягивал до предстоящего гонорара и с чувством огромной неловкости занимал деньги у соседей. Постепенно Иван терял тот невидимый кураж мастерства, которым блестяще владел на заре своей творческой биографии. Нет, его рассказы и заказные эссе по-прежнему охотно брали редакторы, но с некоторого времени он почувствовал тончайшую ледяную корочку безразличия к себе. Корочка мгновенно таяла в живом весёлом разговоре, но чувствовалась вновь при следующей встрече. Его реже стали приглашать на обсуждения, премьеры и просто дружеские попойки.

Однажды он пришёл в «глянцевую» редакцию и, по привычке распахнув дверь ногой, с удивлением заметил, что главред прячет глаза в ворох бумаг и не выбегает, как прежде, из-за стола с дежурным приветствием. А заказ на очередное эссе, заказ, который в прежние времена его терпеливо ждал, оказалось, уже отдали другому. Отдали поспешно, совершенно случайно, просто так сложились обстоятельства. Обо этом с печалью в голосе лепетал главред, дружески хлопая Ивана по плечу и посматривая на часы:

— Знаешь, старик, у меня сегодня что-то голова развинтилась, договорим в другой раз.

Иван же, уходя и закрывая за собой дверь, слышал спиной, как редактор кому-то кричал в телефонную трубку: «Отлично, старик, ты гений, беру!»

И вот теперь этот молодой, задвинутый на литературу человек смотрит на него, как на памятник, и ждёт ответ Мастера. «Да, — подумал Иван, — из мастера я превратился в долбаного литературоведа. Всё понимаю, любой текст, как осьминог, могу утащить на творческую глубину, заилить и вернуть назад — не узнаешь! Вот только писать разучился — это факт. А парня и правда жалко. Негоже вешать на него маститое

«водолазное» грузило и топить в родном омуте литературы. Пусть барахтается — он выплывет!

Иван вздохнул, хитро улыбнулся и размашисто написал на титуле пачки листов, скреплённых степлером: «Рекомендую к печати».

ПН ВТ СР ЧТ ПТ СБ ВС

С Р Е Д А

*Но даже мысль о — как его! — бессмертии
Есть мысль об одиночестве, мой друг.*

*Иосиф Бродский
(«Разговор с небожителем»)*

ИЗ КОСТРОМЫ В КИНЕШМУ (ОПЫТ ОДИНОЧЕСТВА)

БИОГРАФИЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА — непредсказуемая цепь событий. За периодами свершений, как тени, следуют так называемые «периоды размытых смыслов». О, эти трудные времена! Они сигнализируют прежде всего о нашей личной внутренней поломке. Поэтому заглянуть в себя, разобраться и навести «там» порядок — необходимо! В такие дни опыт одиночества бывает полезней мудрых книг и отеческих наставлений.

Сейчас уже не припомню, когда и по какой надобности пришла мне в голову мысль отправиться в путешествие одному. Помню главное: я почувствовал необходимость наедине, вдали от житейской суеты «побеседовать с Богом».

С другой стороны, меня пугала добровольная жертва — вычеркнуть любимое «я» из водоворота событий и социального общения? Так и одичать недолго!

Но чем больше я сомневался и откладывал задуманное, тем настойчивее дерзкая мысль преследовала мой ум и днём, и даже ночью.

Подыскивая подходящий маршрут и рассматривая карту Поволжья, я обратил внимание на девственное волжское правобережье между Костромой и Кинешмой. Поросший лесами берег показался мне идеальным маршрутом для небольшого «романтического» путешествия.

Наивный горожанин! Мог ли я знать, что это милое зелёное картографическое пятно на самом деле окажется непроходимым и таинственным урочищем, а я, делая «правый» выбор берега, ставлю на карту не только успех задуманного перехода, но и собственную жизнь?..

Ранним октябрьским утром поезд «Москва — Кострома», грузно подрагивая сочленениями и пыхая паровозным дымком, чинно остановился перед транспарантом, или, как теперь говорят, баннером «Добро пожаловать в город Кострома!» Красивое здание городского вокзала, гулкая широта привокзальной площади, вековые торговые ряды, неспешно просыпающиеся в лучах солнца, очаровали меня тихой, благочестивой красотой.

Я шёл по утренней Костроме, по старым купеческим улочкам и вертлявым, стоптанным пе-

реулкам и всюду реально ощущал присутствие «зеркала русской души» Александра Николаевича Островского. Вот Александр Николаевич присел на парапет Костромской пристани, вот он смотрит через речку на Ипатьевский монастырь. Да-да, тот самый знаменитый Ипатьевский монастырь, воздух которого ещё хранит дробь копыт вороного коня татарского мурзы Чечета, а сквозь стены Троицкого собора и по сей день лучатся древние фрески искусного изографа Гурия Никитина!

До самого вечера я бродил по городу в сердечном упоении от русской чистоты и святости. Заночевал в простой дешёвой гостинице на дальних улицах. Наутро я вышел из города и, как трубадур, глядя вперёд, направился из Костромской области в Ивановскую.

Плотный перечень услуг городского сервиса закрывает от нас естественную доброту окружающего мира! Только выпорхнув из мегаполиса и выдавив из души рабский страх горожанина перед одиночеством тела, мы приобретаем то, о чём Бог давно позаботился. И тогда, наблюдая пульсирующую плавь звёздного неба или вдыхая пьянящий аромат сена, мы чувствуем нежданную вдохновенную радость. В такие минуты душа распрямляется, дыхание становится ровным и спокойным.

Это не пережить, воображая вечерами на кухне ту или иную литературу. В плотном пространстве «натурального» Бога надо оказаться и немного пожить, соскребая с тела родимые пятна городской инфраструктуры.

Первый день я шёл полем, в километре от воды. Солнце, как путеводная звезда, сверкало передо мной, заливая дорогу мягким осенним светом. Октябрь в Поволжье умеренно тёплый. Ночью температура заметно падает. Поэтому, опасаясь холодной ночи, я с вечера предупредительно зарылся в душистый стог прелого сена и уснул, разглядывая первые звёзды. Около полуночи проснулся от холода. Из глубины стога сочилось мягкое приветливое тепло. Я стал разгребать сено и вдруг отдёрнул руку, невольно вскрикнув от боли. Мои пальцы буквально плавилась и шипели от страшного ожога!

Так разрешился давний вопрос, мучивший меня ещё со школьных лет: почему самовозгораются стога?

Несмотря на боль, мне вдруг стало смешно от собственной нелепости. Запахнув «огненное жерло» сеном, я выровнял теплоотдачу, смазал обожжённые места маслом и крепко уснул до утра.

...На четвёртый день путешествия припомнилось мне собственное одиночество, и я уже приготовился «взныть», но с удивлением отметил, что ныть не хочется. Напротив, чьё-то присутствие рядом показалось бы неуместным. Мне стал симпатичен неспешный разговор ума, души и тела. И чем дальше я шёл, тем их дорожное общение всё более занимало меня.

Однажды вечером я расположился на ночлег у самой воды, облюбовав бугорок, вокруг которого лесная чаща обрывалась прямо в Волгу. На то, чтобы выйти из леса и заночевать подальше от берега, где начинаются поля со спасительными стожками, уже не хватало ни сил, ни света. Бугорок своей причудливой формой напоминал полуостров Крым. Где-то «в районе Симферополя» я развёл костёр и стал кашеварить.

Стемнело. Непривычный холодок скользнул по позвоночнику и заставил оглянуться. Меня поразила абсолютная тишина. Смолкло всё! Я слышал только собственное дыхание и гулкий треск горящего в костре хвороста. Театральность этой полной кулисной тишины озадачила меня. Я поглядел на часы. Они болтались на запястье, напоминая далёкие правила жизни, к которым придётся когда-то возвращаться. На часах было

без двух минут полночь. Я продолжил вслушиваться в абсолютную космическую тишину. Ровно через две минуты лес проснулся. Да как! Зашуршало и тронулось с места в едином порыве бесчисленное множество живых организмов. Я наблюдал эту полуночную вакханалию жизни, немного струхнув от мысли, что, быть может, присутствую на собственной тризне. Повинуясь инстинкту, я стал шуметь и подбрасывать сухие ветки в костёр, стараясь не смотреть по сторонам. Когда костёр разгорелся, мне пришло в голову писать никому не нужное письмо домой, чтобы хоть как-то скоротать время до рассвета...

Мы исследуем Марианские впадины, заглядываем в звёздные дыры и редко, совершенно случайно, совершаем открытия на расстоянии вытянутой руки. Мы настраиваем приборы на бесконечность и незаметно попадаем в ловушку псевдознаний, тех знаний, у которых нет с нами никаких связей, кроме нашего воображения о них. Мы пытаемся в духовных и физических исследованиях «дотронуться» до самого Бога. Но так как расстояние до Бога равно нулю (случай редкий) или бесконечности, мы описываем Его всегда воображаемо, исходя из прикладных потребностей. Если бы мы хотели познать устройство Вселенной,

то трепетно примечали признаки Божьего бытия в малом, порою едва заметном.

Так великий мудрец XX века о. Павел Флоренский говорил: «Я выискиваю места, где жёсткая скорлупа дольного мира, треснув, даёт сбой. И через эти малые трещины наблюдаю Бога».

...Дни напролёт я шёл нелёгкой дорогой по правобережной волжской тайге, пересечённой оврагами и бесчисленными буераками. Шёл, разбрасывая по придорожным овражкам накопленные за годы городской жизни никчёмные «светские сбережения». Мысли мои становились просты, настроение — ровно и рассудительно.

Через неделю пути «по медвежьим тропам» я вошёл в знаменитый левитановский Плёс и долго бродил по его перелескам, очарованный обступившей меня красотой. Ранимая душа Левитана повсюду беседовала со мной. Мы оба наслаждались природой и тончайшими оттенками человеческих отношений, для которых не стали помехой века разлуки... Я снял в посёлке гостиницу и несколько дней соприсутствовал с великим художником в райских куцах волжского Эдема.

Но настала пора возвращаться. На пристани «Плёс» я приобрёл билет до речного вокзала города Кинешма. Так, помешивая в гранёном стакане

кофий и созерцая россыпи деревушек по склонам живописных приволжских холмов, я одолел остаток пути на комфортабельном белом пароходике. Отложив осмотр достопримечательностей Кинешмы до будущих житейских нужд, я отправился на вокзал и уже утром прибыл в Москву.

Р. S. С некоторым внутренним понуждением я вернулся к прежней городской жизни. Впрочем, нет, не прежней. Изменилось всё, потому что изменился я сам. Дни добровольного одиночества навели непривычный порядок в моей душе. Я обрёл внутреннее согласие и способность отвечать на вызовы и предложения мира не вспышками чувств, но рассудительно и спокойно.

Попытка разобраться в себе похожа на погружение в глубины моря. На этом пути теряется связь с поверхностным («кожным») водоворотом дел и событий. И тогда человек испытывает страх одиночества. Но если он находит силы продолжить погружение, то ему открывается огромное сверкающее дно, усыпанное морскими звёздами. Дно? Да какое же это дно! Астрономы и философы называют это сверкающее великолепие — Вселенная. Есть даже единица измерения — «одна Вселенная». Это масштаб одиночества Бога!..

ГИМН ОДИНОЧЕСТВУ

Я ЛЮБЛЮ ОДИНОЧЕСТВО! Я наслаждаюсь одиночеством так же, как астронавт наслаждается в открытом космосе молчаливой звёздной пестротой Вселенной. Да, именно так я люблю одиночество! Хотя знаю: воздуха в баллонах хватит всего на два-три часа полёта...

...Сквозь иллюминаторы головного отсека астрофизической станции «Ола» экипаж наблюдал метеоритный дождь, редкий в этих широтах, если верить прогнозам умников из отдела радиолокационной астрологии. И тем не менее. Дежурная смена отслеживала каждый удар космического железа по обшивке корабля, а бортовой компьютер высчитывал степень повреждения и моделировал действия экипажа при возможном возникновении нештатной ситуации.

— Смотрите, человек! — взволнованно крикнул штурман Трофимов.

Действительно, небольшое тело двигалось в направлении, противоположном скольжению метеоритов. Оно напоминало человека, облаченного в старенький, прошлого века скафандр, у которого из головного шлема топорщились нелепые продолговатые антенны. Суставные гофры этого допотопного экземпляра представляли собой чешуйчатые конструкции из металлических накладок, а не латентные вихри биополя, управляемые чипом движения, как у современных термодинамических скафандров.

Короче, летел чудом сохранившийся антиквариат, не перехватить который астронавты просто не имели права.

— Включить зонд прикрытия! — объявил командир по бортовому селектору. — К телу!

Корабль поменял азимут и стал медленно приближаться к скафандру, внутри которого наверняка не осталось ничего живого.

— Шевелится! — взвизгнула Зося, маленькая, щуплая врач-парапсихолог. Наличие штатного психолога с недавних пор стало обязательным на каждом корабле, выходящем за пределы Солнечной системы.

— Не может быть! — командир вдавил лоб в иллюминатор. — Иван, запускай робота!

От корпуса корабля отделился продолговатый предмет и, работая встроенным гравитационным модулем, стал приближаться к объекту. Когда передние консоли робота коснулись боковой аппаратуры скафандра и немного развернули тело к видеокамере, на мониторе за бронированным пластиком шлема высветилось...

Спокойное человеческое лицо. Казалось, оно живое! Просто прикрыты глаза, и голова чуть отвалена набок, как во время сна.

— Открыть шторку наружного шлюза! — приказал командир, не отрывая глаз от картинки на мониторе. — Включить гравитационную тягу!

Робот, как богомол, обхватил скафандр четырьмя динамическими консолями и увлек его в открытое пространство шлюза.

Как только датчик давления позеленел, все бросились в приёмный отсек, стора от нетерпения увидеть что-то совершенно необычное.

...Я медленно возвращался. Молекулы кислорода толпились в капиллярах и заполняли гулкие вестибюли обоих полушарий. Привычный образ мыслей всё более кружил голову, нанизывая происходящее на игольчатые выступы памяти.

Так январская позёмка сверкает колкими серебристыми снежинками в холодных косых лучах утреннего солнца.

Я ликовал. Даже те краткие минуты одиночества, которые я провёл в открытом космосе, наполнили меня радостью и покоем. Суматоха улицы и дальний грохот перекаатов житейского моря теперь доносились как бы сквозь «метеоритную» оболочку, защищавшую меня от «прямого попадания» фрагментов цивилизации. Я знал, что в скором времени эта оболочка поредет. Мир так или иначе прорвёт каменную защиту тишины и выльет на меня ушат холодной отрезвляющей влаги. Но сейчас, наслаждаясь остатком «собственного» времени, я блаженствовал и скапливал силы, надеясь дожить до будущего одиночества.

ДВА СЛОВА О ПАРАПСИХОЛОГИИ

В ПСИХОЛОГИИ ЕСТЬ ПОНЯТИЕ «период размытых смыслов». Что это такое?

Как-то мне в руки попала книга английского скульптора и педагога Эдуарда Лантери «Лепка». Роден называл Лантери «дорогим учителем и другом», поэтому мой интерес к книге был освещён именем величайшего из художников. От страницы к странице я погружался в лоно мудрейших рассуждений автора о ремесле творца, жизни в искусстве и просто о смысле жизни.

Припоминаю: «Главные части формы не должны соприкасаться друг с другом физически. В высоком искусстве между ними всегда существует малая зона перехода. Эта зона устраняет пограничный конфликт двух равных по величине частей одной большой формы».

«Верно, — думал я тогда, — например, „нейтральная полоса“ между государствами...»

Многое в этой книге стало тогда для меня откровением. Но мысль о зоне перехода между двумя объёмами (двумя событиями, двумя состояниями) запомнилась особенно.

Неделю назад задумал я в очередной раз приподнять Землю, но плохо подготовился к эксперименту и потерпел неудачу. Короче, потерял точку опоры.

Как раненый зверь, дни напролёт я отлёживался в однокомнатной берлоге, тупо глядел в потолок и пытался прийти в себя.

В один из вечеров зашёл ко мне на огонёк приятель-психолог. Профессиональным взором оглядев случившееся, он постановил:

— Всё ясно. У тебя наступил период размытых смыслов.

— Что это значит? — вяло ответил я вопросом на его слова.

— Это значит, что ты временно как социум перестал существовать.

— ?

— Выполнять прежнюю работу ты не можешь в силу тех или иных омерзительных, как тебе кажется, обстоятельств, верно?

— Верно.

— Ты сожалеешь о случившемся, но не владеешь собой и не готов исправить даже то, что зависит лично от тебя, так?

— Так.

— Потому что ты перестал понимать самого себя.

— Перестал...

— Отлично! А теперь идём!

Он взял меня под руку и вывел на прокуренную лестничную клетку. За дверью соседней квартиры гремела музыка, слышался хохот и визг девчонок. Повсюду валялись сигаретные бычки и пахло человеческим дурновкусием.

— Вот видишь, — приятель махнул рукой в сторону соседской двери, — период размытых смыслов может происходить и в скрытой форме. Более того, неограниченно долго. Тебе просто не повезло.

С этими словами он запихнул меня в лифт, и мы помчались с тринадцатого этажа куда-то вниз. Вспышки лестничного освещения за дверями кабины сменялись мрачными интервалами темноты. Тусклая лампочка, горящая под потолком нашей «двухместной капсулы», практически никак не усредняла зловещее мерцание света.

Казалось, мы падаем в... преисподнюю! По крайней мере, именно эта конечная цель наиболее точно соответствовала моему настроению. Я приготовился к худшему.

Внезапно лязгнули створки дверей. Приятель вытолкнул меня из лифта в узкий коридор и повёл мимо консьержки.

— Боря, что-то вас давно не было видно? — участливо спросила она.

— Я-то не...

Мне хотелось объяснить Лидии Степановне, что я... но приятель не дал договорить и, распахнув настежь парадную дверь, вытолкнул меня из подъезда. В нос ударила густая майская арома, этакий вечерний коктейль из запахов цветущей сирени, молодой сочной травы и лёгкого папиросного дымка.

— Ага, ты почувствовал её! — воскликнул мой провожатый.

— Кого её? — поморщился я.

— Её величество Жизнь! А то, небось, гадаешь, как в преисподнюю поскорей провалиться.

Мы перешли дорогу и углубились в парковую зону. Горели редкие фонари. Встречные прохожие ускоряли шаг, обходя стороной двух интеллигентных бездельников, которые вместо

того, чтобы идти, как люди, и смотреть под ноги, шагали, не разбирая дороги, прямо по лужам.

Приятель заметил в сумраке лавочку. Мы подошли. Мокрая, наполовину сломанная парковая сидуха привела его в совершенный восторг:

— Каков ковчег!

Над лавочкой перешёптывался с ветром огромный фиолетовый куст сирени.

— Присядем, друг, осмыслим суть вещей!

Я пожал плечами и осторожно присел, обретая наконец хоть какую-то точку опоры. Олежка (Олег Петрович) достал из походного рюкзака бутылку фирменной водки, два пластиковых стаканчика и свёрток с восхитительно пахнущими бутербродами.

— Это поможет!

— Слушай, — я попытался его остановить, — может, мне на курсы твои походить, вернуть, так сказать, веру в себя?

— Ты чё! Я твой друг и зла тебе не желаю. Ко мне же ходят задвинутые, а ты — нормальный! Чуешь разницу?

— Тошно мне! — я посмотрел на луну.

— Пей! — Олег протянул мне ломкий стаканчик с водкой, удерживая рукой на весу раскрытую книгу по парапсихологии. На странице под

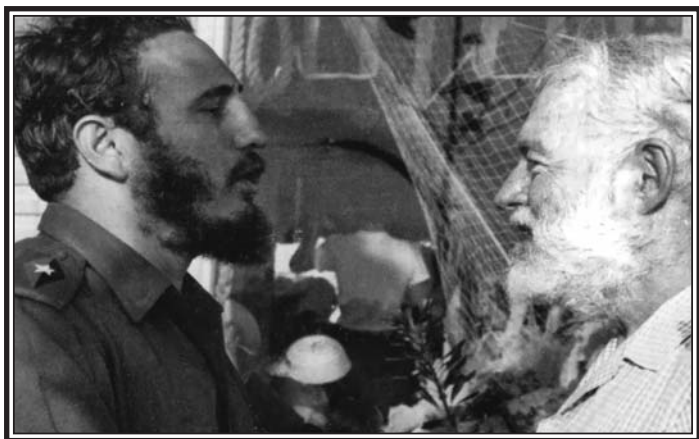
заголовком «Период размытых смыслов» были выложены горкой бутерброды с докторской колбаской, каким-то невероятно пахучим сыром и, кажется, слабосоленой сёмгой...

ПН ВТ СР ЧТ ПТ СБ ВС

Ч Е Т В Е Р Г

*Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

*Иосиф Бродский
(«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»)*

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

ПЕРЕДО МНОЙ ОТКРЫТКА со старой фотографией. Эту драгоценную вещь я привёз с Кубы четыре года назад. С тех пор всматриваюсь и пытаюсь мысленно включиться в разговор, на ней запечатлённый. Два мудреца, Эрнест Хемингуэй и Фидель Кастро, беседуют среди рыбацких сетей и судовых канатов. Смуглая женщина на дальнем плане варит кофе. Снимок помечен 1960 годом...

Молодой, тридцатичетырёхлетний Кастро, окрылённый годовщиной победы революции на Кубе, и старик Хэм за один год до самоубийства...

О чём могли так увлечённо говорить два великих современника? Положим, Кастро был интересен Хемингуэю как личность. Личность, перевернувшая уклад жизни огромного островного архипелага. Хэм наверняка умом и нюхом писателя понимал, что Куба — это только взлётная полоса Кастро, его земная роль шире. Он видел в Кастро вулкан, который только начал своё историческое извержение.

Хэм прожил трудную жизнь и не был легкомысленным Икаром. Но сейчас, стоя в двух шагах от человека-огня, он не страшился подпалить свои крылья. А его визави, молодой мудрец Фидель, чуть прикрыв глаза, спрашивал Хемингуэя и выслушивал его ответы, будто распивал с ним на брудершафт коллекционное вино мудрости, так необходимое молодому революционеру.

Уж не знаю, «винный ли сбор» великого литератора оказал влияние на великого реформатора или по какой иной причине, но Фидель провёл революционные преобразования в стране явно не по-ленински. После свержения проамериканского режима Батисты в 1959 году новая кубинская власть не репрессировала **ни одного** человека и не тронула ничью собственность! Фидель сказал: «Хотите — оставайтесь, и будем вме-

сте строить новую Кубу, хотите — уезжайте! Как говорят русские: скатертью дорога!»

...Я побывал практически везде, где останавливался или заходил выпить стаканчик мохито Эрнест Хемингуэй. Помню забавный случай. Мы с женой поднимаемся в номер 511 одного из лучших отелей старой Гаваны — «*Ambos Mundos*», где писатель регулярно останавливался в течение семи лет. Как в воинских пирамидах, красуются удилища, спиннинги, есть оружие. На небольшом рабочем столе стоит Его пишущая машинка с набранным на полстраницы текстом, в дальнем углу — простая кровать и прикроватная тумбочка с телефоном...

На фоне старой Гаваны, чуть прикрытой оконными гардинами, невольно начинаешь «оседать в Хэма». Время замирает и незаметно проскальзывает обратно. Вот-вот войдёт великий писатель и попросит заварить кофе.

Вдруг звонок! Этот старый чёрный телефон действительно звонит! И вот тут случается самое интересное. С минуту во мне борются два времени. Одно привычное, настоящее, второе...

Нет, второе, увы, лопается, как мыльный пузырь, рассыпается на отдельные артефакты и исчезает вослед своему веку.

Девушка-экскурсовод подходит к телефону, снимает трубку и по-испански кому-то весело отвечает. Последнее колечко дыма из времени старого Хэма рассеивается, и я понимаю: на том конце провода «завис» другой человек, не Хэм...

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ СУДЬБЫ

ВОЛНЫ ЖИТЕЙСКОГО МОРЯ сплетают, расплетают и снова сплетают человеческие судьбы в затайливые сюеинутные узоры. Эти узоры, как магические знаки, передают нашему подсознанию сакральную информацию о смысле жизни и индивидуальных линиях судьбы. Чувствуем ли мы это, ведь житейский обиход ежедневно учит нас заботиться о насущном?

О будущем мы думаем как-то с ленцой — оно слишком непредсказуемо. Прошлое нас не интересует — нам некогда обернуться. Так и живём. А потом удивляемся: отчего это наша судьба прямолинейна и неповоротлива, как разбег носорога?

Эх, кабы научиться нам канительному делу да протянуть золотую нить судьбы по лычкам и орденским планкам отцов и дедов... Чтоб будущее

стало исторически преемственным, тёплым, как ухоженная старина. Куда там! Русское утро — не гулкая озёрная седина, а писчий лист для очередной революционной агитки.

Для русского человека разрушить до основания старый мир — первейшее национальное удовольствие. Это как в ясное морозное утро выпить стакан ледяной водки и похрустеть солёным огурчиком! А вот строить заново нам, как правило, неохота. Оттого и льём бетон в мёрзлую землю да асфальтируем после дождя голубые дорожные лужи.

Вот почему традиционный лозунг всякой революции «Умрём за лучшую жизнь!» — это умножение на ноль надежды на светлое будущее.

Русский человек — загадка! Он непомерно ленив и слишком горяч одновременно. Прибыль (навар) от какого-либо дела его вообще не интересуется или интерес зашкаливает за 100%, и нет ему предела.

Об этой особенности русского характера поведал Максим Горький в рассказе «Челкаш». Помните парнишку, которого вор Челкаш взял в дело? Верно подмечено!..

Эх, нам бы, русичам, сузить по совету Фёдора Михайловича свою широту да присесть у ве-

ликорусского Петрова окошка. Присесть и внимательно приглядеться к европейцам, таким размеренным козявкам, которые даже любят по часам. В чём-то они правы, ведь у них всё ладится.

Взять, к примеру, испанцев. Ленивее и необязательнее народа во всей Европе не сыщешь, а дороги в Испании хорошие, и в футбол эти фанаты сиесты играют, прямо скажем, неплохо.

Когда же мы наконец поймём, что выполнять пятилетку в четыре года вредно и для страны, и для нашего же собственного здоровья? Если за спиной не маячит лютый зверь, не следует никуда торопиться. Не надо бежать, вытаптывая пахотное поле. Не надо перепрыгивать овраги с целебной родниковой водой только ради того, чтобы схватить за хвостик лучшую жизнь. Не надо слушать горлопанов-политиков и чудо-экономистов! Чудо — это сама жизнь! Давайте жить и помнить о том, что судьба проявляется медленно, как фотография.

Давайте перестанем торопить Мастера!

РЕКА ВРЕМЕНИ

ВЫ УСТАЛИ ОТ ТРУДОВ и присели отдохнуть на бережке. Перед вами медленно течёт большая незнакомая река. Метрах в пяти торчит из земли тонкая жердина. К жердине прибита старая полусгнившая табличка. Надпись не разобрать. С минуту усталость и любопытство делят остаток ваших сил. Но вот любопытство берёт верх, вы приподнимаетесь, подходите к жердине и читаете: «Река времени»...

Русло реки вьётся среди житейских холмов и где-то вдалеке впадает в море Забвения. Вечер. Течение посверкивает угольками звёздных отражений. Ветер выносит волнистую рябь на отмель. Пенные буруны обстоятельств некоторое время с шипением вгрызаются в прибрежный песок. Но вскоре, потеряв энергию жизни, скатываются назад и исчезают в массе уходящего времени.

Мы строим дома, высаживаем деревья, трудимся над продолжением рода, но земная Лета лишь в редких случаях помнит «своих скромных героев». Почему? Может быть, потому, что мы не только рождаем собственных сыновей, но и убиваем чужих; не столько строим, сколько разрушаем дома друг друга и рубим на канцелярские бланки высокие корабельные леса, которые насадили наши деды?

С другой стороны, необязательные знания о похождениях чудака из Ламанчи мы бережно храним столетиями, а слово «Сервантес» употребляем в ряду базовых знаний об Испании и всём человечестве. Почему?

Нам нужны ориентиры. Цивилизация — это растянутая «парусина» человеческих возможностей. Опорными точками этой грандиозной растяжки являются выдающиеся личности всех времён. Прочие человеческие персоналии, наделённые талантами лишь отчасти, заполняют внутренний объём под парусиной и пользуются открытиями великих на правах юзеров. Да, мы ставим памятники тем, кто ценой собственной жизни соткал хоть малую часть этой «парусины», укрыл нас от непогоды и палящего солнца. Мы славим мёртвых, посильно возвращая житейскую

справедливость тем, кто распял себя на «парусиновой растяжке».

Неистовый Ван Гог — пример абсолютного подчинения всех жизненных сил идее общечеловеческой любви. Десять отчаянных лет он служил людям своим художеством как христианский проповедник. Как же надо пострадать за людей, чтобы хоть на какое-то время остаться в их неблагодарной памяти!

Мы смотрим на его автопортреты с вязанками кистей и наивно полагаем, что он своей кисточками выписывал вихри на полотнах. Нет! Живописный мазок Ван Гога — это след кровоточивых стигматов художника-мученика. Попробуйте мысленно сжать свои благополучные десятилетия в одно — смертельное. Может быть, тогда и вы попадёте в Историю.

Течёт река времени. Пряди волн скользят вдоль залитых солнцем виноградников Арля, где Винсент вот уже третье столетие пишет свои замысловатые картины.

...А в заснеженном Петербурге гривастый акварелист и поэт Макс Волошин пропихивает своё тучное тело в щель приоткрытой парадной двери и, восторженно краснея, вторую сотню лет знакомится с юной поэтессой Мариной Цветаевой...

ПН ВТ СР ЧТ ПТ СБ ВС

П Я Т Н И Ц А

*И будильник так тикает в тишине,
точно дом через десять минут взорвётся.*

*Иосиф Бродский
(«Точка всегда обозрима
в конце прямой...»)*

АНАТОМИЯ БОЛИ

КАК ОТНОСИТЬСЯ К БОЛИ? «Боль — естественная реакция организма на агрессивные действия окружающей среды», — цитирует учебник наивный студент первого курса Пироговки. «А если болит совесть? — возражаю я. — Попробуй, тронь за руку такого страдальца — почернеет на глазах!»

Понятие «совесть» не значитя ни в одном институтском учебнике! Хотя никто не станет отрицать, что это орган внутренний и потому подлежит анатомическому рассмотрению. Впрочем, о совести много говорить нет смысла. Чтобы её разглядеть, надо обладать стыдливостью. А её наличие — явление особенное, индивидуальное.

Но вернёмся к боли. В одном из фильмов меня поразил эпизод: привязанный к дыбе человек говорит мальчику, пытающемуся его освобо-

дить: «Уходи, иначе мы погибнем оба. За меня не переживай, я умею отключиться от боли».

В связи с этим мне вспоминается странная, но замечательная в своём значении фраза: «Вы можете меня убить, надругаться над моим телом, но вы не можете причинить мне зла». Услышав её, я долго размышлял: что бы это значило?

И потом, многократно испытывая ту или иную боль, я старался развить в себе способность к волевому усилию, отсекающему агрессивное воздействие среды. Но всякий раз победа оказывалась недолгой. Боль возвращалась и совершала своё обычное разрушительное действие над плотью и венценосной психологией.

В конце концов я рассудил так: если боль побеждает меня, я должен следовать ей и копить энергию на оздоровительный мятеж!.. Как только я перестал противиться боли, моя жизнь вернулась в спокойное созерцательное русло. Нет, я не стал мазохистом. Для этого я слишком «юн и беспечен». Но я научился ожидать боль, не удивляться её приходу, нести её бремя и не растрачивать эмоции на преждевременное преодоление недуга.

Боль, простодушно сетуя на мою неподатливость, совершала своё дело не в полную силу, отступала, а вскоре и вовсе покидала тело.

СОБЕСЕДНИКИ БОГА

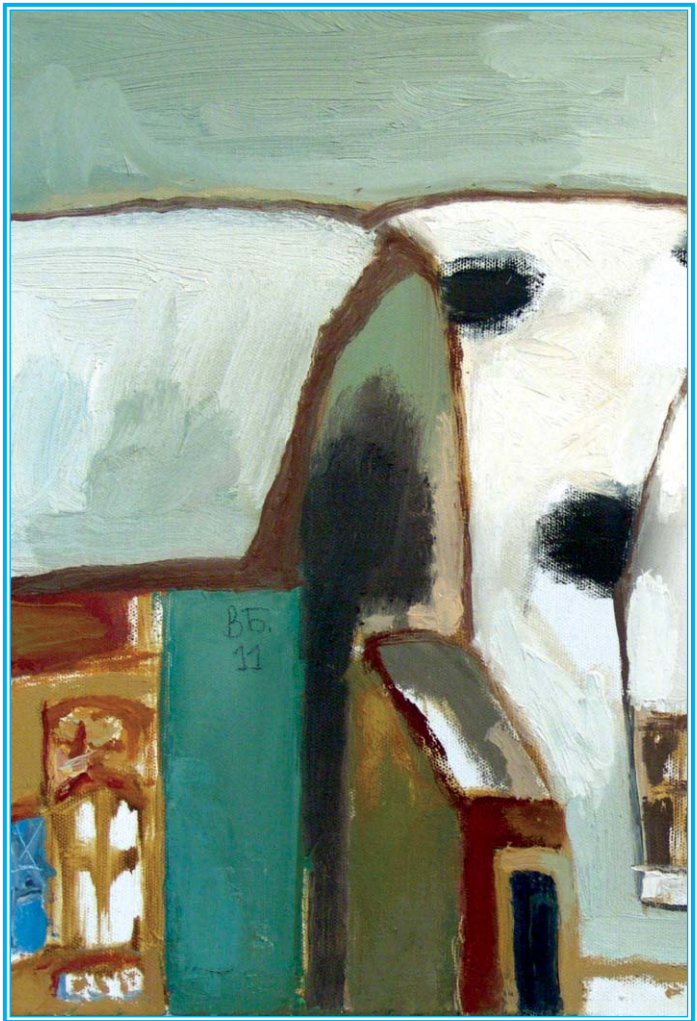
ГОША СИДЕЛ В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ повышенной комфортности и медленно ждал смерть. Он понимал: ждать придётся, может быть, не один год, и тогда впереди ему предстоят тысячи унижительных дней беспомощности. Конечно, родственники и друзья нежно любят его, но прежде всего любят, как ему казалось, то восхижительное воспоминание, когда он, сильный, красивый, как Архимед, держал в ладонях рычаги благополучия многих близких ему людей.

Да, они кормились от него. А он сжигал в пламени трудового энтузиазма своё отменное здоровье. Сжигал не только во имя реализации собственного «я», но ради любви и ответственности перед дорогими ему людьми. К сожалению, вечный двигатель тридцатилетнего трудоголика

к полувековому юбилею заметно поизносился. То и дело приходится подновлять и смазывать детали и, что самое неприятное, наводить вынужденный лоск на места, утратившие свежесть. А когда прошло ещё пятнадцать лет после юбилейного «полтинника», то организм Гоши откровенно развалился на части.

Вскоре потребовалась обыкновенная инвалидная коляска. И наступил последний недолгий период земной жизни; жизни, в которой, по словам любящих его домочадцев, он оставался необходимым и желанным...

Мы умиляется, наблюдая параолимпийские дорожки и «счастливых» призёров этих простых по содержанию игр. В храме душа замирает, когда мы видим, как «подходит» к причастию верующий прихожанин в инвалидной коляске. Мы расступаемся или стараемся ему помочь. А после литургии бережно правим колёса по ступеням паперти и помогаем доехать коляску до ворот. Сказав пару ободряющих и поздравительных слов — с причастием! — участливо передаём инвалидного брата сопровождающим. Выдохнув, возвращаемся к собственным заботам, краем глаза наблюдая, как машина с неприкрытым багажником, из которого торчит инвалидная коляска, покидает стоянку.

«Круто!» — улыбаемся мы. И нам даже не приходит в голову, что храмовые туалеты не приспособлены для пользования инвалидами...

Обездвиженность — самая скорая дорожка к смерти. Наше тело сопротивляется этому дерзкому скольжению в никуда, но как-то потешно. Нет драматургии. Всем всё ясно, вопрос только времени. Однако и в этом состоянии, представьте, есть свой смысл! Вам не надо прилагать мегатонны энергетических усилий ради поддержания активной биологической жизни. Вы вольны общаться с вечностью на равных — вы избраны! Харону уже дано указание причалить к вашему дивану. И вам незачем бояться смерти. Боятся опасности тот, кто надеется её избежать. Вам же не грозит ничего сверх того, что уже случилось.

Вечерняя зарница блеснула над чёрными зубцами многоэтажек. В комнате как-то сразу стало темно и немного страшно. Гоша протянул руку и включил лампу над кипами книг на рабочем столе. Через час постучит в дверь жена и, не дожидаясь ответа, войдёт с вечерней уткой и полотенцем.

Ходики на стене пробили десять. «Господи, помилуй! — прошептал Гоша, заранее глядя в любящие глаза жены. — Благослови...»

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ЖУРНАЛИСТОВ

СМЕРТЬ КАЖДОГО ТВОРЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА, нередко смерть вынужденная, случившаяся в момент исполнения профессионального долга, — событие особое.

В ряду опасных творческих профессий журналистика, наверное, занимает одно из первых «призовых» мест. И, тем не менее, из года в год kloкочут переполненные аудитории факультетов, где учат азам этой отчаянной профессии. Человек осознанно реализует право свободной воли быть на линии огня и фиксировать историческую правду «из первых рук».

Хорошо известно, как «учёные» мужи умеют переписывать историю. Но переписать эмоциональные репортажи журналистов, их фото- и видеокadры, переданные в эфир с линии огня, ох как

не просто! Не просто вычеркнуть из истории человеческой цивилизации реальные, зафиксированные аппаратурой сигналы «SOS».

Творческий человек — это птица. И, как всякая птица, он стремится в небо. Только с высоты неба он может разглядеть истинные размеры и особенности своих перелётных маршрутов.

Вот только опасно нынче летать в небе. Бьются (или бьют) «Боинги», а уж птицу подстрелить — проще простого. Так и хочется крикнуть молодым журналисткам, бегущим под прикрытием танка на Иловайскую передовую: «Стойте! Вы же не воины, мальчики!..»

ПН ВТ СР ЧТ ПТ **СБ ВС**
С У Б Б О Т А

*За такие открытия не требуют мзды;
Тишина по всему околотку.
Сколько света набилось в осколок звезды
На ночь глядя! Как беженцев в лодку.*

*Иосиф Бродский
(«Снег идёт, оставляя весь мир
в меньшинстве...»)*

ЧТО ОТДАЛ, ТО ТВОЁ

— ДЯДЕНЬКА, СКАЖИТЕ, что такое бескорыстие?

— Представь, мальчик: ты что-то отдал другому и не жалеешь об этом.

— Потому что не нужно?

— Нет, как раз нужно, но не жалко.

— Не понимаю!

— Я тоже...

Какое звено в геноме человека отвечает за бескорыстие? Не рвётся ли на куски формула нашего «я», когда мы отказываем себе в естественном удовольствии высокого ума — радоваться счастью другого человека? Ведь чем теплее вокруг, тем нам же самим теплее!

Это верно. И всё же, что хочет человек не только сейчас, а вообще, всегда? Ну, понятно, хочет

добра, мира в доме, высшей справедливости. А что же он творит на протяжении всех веков своего существования — братоубийство, разбой, насилие... Странно! Хочет одно, а творит совершенно другое! Ещё апостол Павел, великий мудрец древности, сказал: «Творю не то доброе, что хочу, но то злое, что ненавижу!»

Выходит, мы сами — источник наших бед? Выходит, в нас самих что-то неладно? А это значит, что никакими революциями и позитивными реформами не сделать нас счастливыми! Получается, именно в глубине нашего житейского «я» зарыта собака, от которой нет нам покоя...

Да, следует признать — мы больны. Эта неизвестная науке болезнь поражает всех: и топ-менеджеров, и бомжей, и вполне порядочных законопослушных граждан. Мы отгораживаемся от мира осуждением. Мы завистливы, горды и непреклонны, мы не готовы уступить друг другу даже лишнее. Мы милы и приветливы, пока такой же милый и приветливый не перейдет нам дорогу. Из весёлых сослуживцев мы превращаемся в депотов, поднимаясь вверх по служебной лестнице.

Но главное — мы всегда правы! Нам нестерпимо присутствие собственной вины. Виноваты в наших недостатках всегда одни и те же: он, она,

они — но не мы сами! А теперь представьте, как могут жить счастливо миллиарды людей, исповедующих философию личного благополучия, на небольшой планете, которая на две третьих залита водой, а оставшаяся треть поделена заборами по признаку силы?

В древности говорили: «Главная мудрость счастливой жизни — что отдал, то твоё».

Давайте попробуем стать счастливыми.

ПЕРВОЕ ИЮНЯ

СЕГОДНЯ ПЕРВОЕ (самое маленькое) июня — День защиты детей! Праздник в прошлом сентиментально-торжественный, а ныне забытый совершенно и государством, и его взрослыми гражданами. То ли детей не стало, то ли мы, расставив советское прошлое, перестали думать о российском будущем? Так или иначе, нет детского праздника в нашей стране. Видно, не нужны цветные мелки юным корифеям, с трёх лет свободно редактирующим мамину фотографию в последней версии ещё не русифицированной программы «Paint». Так решили родители.

Первое июня 2016-го года. В далёкой лётно-десантной российской воинской части на территории неба, подконтрольной оперативной службе ПВО, выдалась дивная космическая амброзия. Солнце солировало!

Перед зданием гарнизонного клуба собрались счастливые нарядные мамы (в таких частях служат только контрактники, и живут они не в казармах, а в гарнизонном городке).

Мама, как цветущие ветви розария, возвышались над суетливым муравейником малышей, пересчитать которых не представлялось никакой арифметической возможности. Играла музыка. Женщины-организаторы изобретали немыслимые соревнования для смыслёных, смешных и милейших карапузов. Кто-то прыгал через верёвочку, кто-то рисовал мелками на асфальте, кто-то картавил в микрофон — одним словом, веселились все!

Глядя на праздник будущей осмысленной жизни, я невольно представлял, что каждую минуту этот человеческий рай может вздрогнуть от рёва гарнизонной тревоги. Огромные папы с ружьями и гранатами на глазах притихших от ужаса карапузов побегут на огневые рубежи, не успев даже попрощаться с любимыми крохами. А мамы, обняв малышей, бросив на асфальт сумки с переодеванием, коляски и апельсины, помчатся, как сполохи вихря, в бомбоубежище, о котором им столько раз говорили заботливые папы...

Да продлит Бог мгновения земного рая!
Может быть, тогда мы наконец забудем, как не-
ряшливо и страшно выглядит зло.

А наши души, лёгкие, как тополиный пух,
поднимутся высоко в небо и полетят над всеми
гарнизонными ПВО далеко-далеко, на разведку
всеобщего человеческого счастья!

ПОТОМ ПОСМОТРИМ, ИЛИ СНАЧАЛА...

Я прогуливаюсь по аллее правительственного санатория в Сочи.

Мне навстречу идёт Каганович и с ходу начинает разговор:

— Как вы там поживаете в театре? Над чем работаете?

— Ставим «Белые ночи» по Достоевскому.

— А идея там какая, идея?

— Идея в том, что человек не должен убивать человека.

— Это не наша идея, не наша! — категорично отвечает Каганович и быстро удаляется.

Фаина Раневская. Из воспоминаний

НЕОБЫЧНУЮ АНАТОМИЧЕСКУЮ ПРОЦЕДУРУ предложил Антон Павлович Чехов русскому человеку: по капле выдавливать из себя раба. Очень, очень интересно!

Антон Павлович, поясните, пожалуйста: как правильнее при этом сложить руки — прижать к телу или, наоборот, словно крылья, развести в стороны? И, главное, как сбросить с себя привычную шкурку, в которую мы выросли с головы до

пят? Сбросить и выпорхнуть на свободу добрыми, а не злыми? Ведь, не дай Бог, зло окажется в открытом доступе — что тогда?

Попробуем разобраться. Зверь убивает другого зверя не из ненависти к нему, но как раб, исполняя закон вида. Если он выдавит из себя критическую массу рабского начала, то просто умрёт с голоду. Зверь — это машина. Он не видит красоту павлиньего хвоста и грациозность косули. Весь окружающий мир для него — богослужебный смысл, но зверь не убивает, когда сыт. А человек?..

Согласитесь, каждый из нас обязан выстраивать линию жизни так, чтобы каждую минуту доказывать своё принципиальное отличие от зверя. Однако всё, что «царь природы» делает и говорит, — вопиет о противоположном. Он охотится на зверя и другого человека по целому ряду незначительных интеллектуальных прихотей. Например, сравнение индивидуальных излишеств (у него больше, чем у меня) или братоубийственная революция под лозунгом «грабь награбленное»?

Пройдёт совсем малый исторический срок, и среди победителей образуются новые разноимущие, и вновь повторится ужас самоуничтожения.

Худшее из человеческих стремлений — это стремление к власти. Стремление к видимой

вседозволенности, граничащей с абсолютной несвободой! Ради верховенства над вассалом властелин не задумываясь совершает преступление против блага. Более того — против собственного же блага. И, что уж совсем нелепо, такие преступления сами же вассалы из страха перед господином объясняют исторической и имперской необходимостью.

Антон Павлович, простите меня, бестолкового, но я не понимаю! Кого мы должны вытапливать из себя, прыгая, как караси, на раскалённой жаровне обстоятельств? Кто поручится за то, что мы, ратуя о личной свободе, этой свободой распорядимся во благо? Не станем ли мы этакими пепелами зла, освобождёнными от всех моральных и гражданских обязательств?

Ведь мы можем превратиться в странных существ. С одной стороны — *не люди* (потому что понятие человека предполагает стремление к добру), с другой стороны — *не звери* («психология» зверя не предполагает бессмысленное кровожадство). Думаю, дедушка Дарвин не считывал на такой эволюционный гибрид.

Если бы старик дожил до перестройки и поглядел на последнюю российскую разновидность *hoto*, именуемую «либерал-демократия», навер-

ное, он, как честный человек и порядочный учёный, обратился бы к потомкам с речью:

— Друзья, это говорю я, Чарлз Роберт Дарвин. Если кто-то скажет вам, что человек произошёл от обезьяны, — не верьте ему, это неправда! Обезьяна стать человеком не может по одной простой причине — не приведи Бог! Всегда помните: благородство завоевателя — обман историка-вассала!..

Выдавить рабское начало — это как зуб выдрать. Сел в кресло, зажмурился — удалил. Через два часа решил перекусить — а жевать-то нечем! Глотать по-удавьи ещё надо научиться. Да и хорошо ли становиться «заглотышем»?

Конечно, можно вставить новенький зуб, железный (ух, надкушу!). Только признаем ли мы самих себя? Не станем ли эдакими раздутыми зайчатами, вроде потешных терминаторов? Зуб-то не простой, «не рабский». Непривычно, боязно...

Дорогой Антон Павлович, умом я с вами согласен — рабом быть не хочу! Как там у Пушкина: «Не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей!» Отлично сказано! Вот только совесть кричит, будто режут её напополам: «Под худой крышей — всё не на ветру!» Может, и её, крикушу, под шумок удалить? Что скажете?

ПН ВТ СР ЧТ ПТ СБ **ВС**

ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Скорлупа куполов, позвоночники колоколен.
Колоннады, раскинувшей члены, покой и нега.
Ястреб над головой, как квадратный корень
из бездонного, как до молитвы, неба...*

*Иосиф Бродский
(«Римские элегии»)*

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

ТЯГЧАЙШЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ переживание — непрощённая сердечная обида.

Вынести можно всё — боль, непонимание, тоску по «утраченной свежести» — но не обиду! Обида рождает чувство несправедливости, ведь у каждого из нас своя правда. Терпеть состояние неразрешённой обиды невыносимо! Слава Богу, нынче перестали стреляться. Но вызов, который бросает обида воспалённому уму, обрёл новые, не менее губительные формы: нервные расстройства, помешательства, суицид.

Как же нам переступить обиду, щемящую сердце, ведь мы привыкли: око — за око, зуб — за зуб?

— Ишь, добренький нашёлся! — хмыкнул коллектор, глядя через плечо на мою писанину. —

Как там у Маяковского: «...собака бьющую руку лижет», так, что ли?

Я собрался с силами и на выдохе ответил вышибале чужого имущества:

— А знаете ли вы, господин хороший, что ещё ни один человек, ответивший злом на зло, не восстановил нарушенную справедливость. Зло — это вирус. Он разрушает всякую разумную структуру. Прикосновение к нему смертельно. Вот послушайте.

Я взял в руки исписанный лист и, стараясь не смахнуть свежие чернила, стал читать:

— Мы витийствуем о свободе личности и осуждаем (!) Бога за то, что Он заповедал не вкушать плод от древа познания добра и зла. А ведь Бог хотел только одного: уберечь первенца своего Адама от злобства и скрежета зубовного! Увы, для Адама и Евы, пригубивших запретный плод, райское блаженство распалось на добро и зло. Им открылась зияющая глубина человеческих страстей и мучительных переживаний...

— Оба-на! — крикнул коллектор, продолжая мусолить неприкуренную сигарету.

«Ага, зацепило!» — подумал я и продолжил:

— Адам обиделся на Бога за «ограничение свободы личного выбора». Каин смертельно оби-

делся на Авеля за то, что Богу стала угодна жертва Авеля, а не его, Каина, хотя при чём тут Авель?.. Сосед обиделся на соседа, потому что...

Видите? Мы застряли в обидах, как атомы в кристаллической решётке! Селекция *homo habilis* по методике «а-ля Дарвин», с добавлением «приворотного зелья» от тысячелетнего библейского змея, завершилась до ужаса успешно! На Земле появился новый вид человека — *homo sapiens*, интеллектual, знаток добра и зла, любитель классической музыки и изощрённых психологических издевательств над собратьями по разуму. Этакий *homo dexter*, человек правый.

Я перевёл дух.

— Значит ли это, что выхода нет, что мы никогда не усмирим в себе гордыню и не восстановим утраченную связь с Богом?

Текст закончился, я оглянулся вокруг. Коллектора рядом не было. Я подошёл к окну и посмотрел во двор. Вдалеке, на мокром после дождя асфальте я увидел ссутулившуюся спину парня. Порой спина красноречивее слов говорит о состоянии человека. Парень шёл неестественно прямо и о чём-то напряжённо думал. Вскоре он исчез в тёмном полуцилиндре подворотни.

Через несколько дней меня разбудил странный шум за окном. Гулкий бархатный Голос, как гром, катился по небу до самого горизонта:

— Люди, наказываю вам: прощайте друг друга! И злобу на ближнего своего исповедуйте. А не будете прощать — не будет вовек вам Моей Благодати...

Я поглядел на календарь. На февральской странице, в паутинке черных будней алела кино-варная капелька воскресного дня, последнего воскресенья перед началом Великого поста.

— Ты слышал?! — дверь комнаты распахнул взъерошенный сосед Мишка.

— Слышал.

— Как думаешь, что это?

— Пацаны, да нет там никакого Бога! — в раскрытую форточку ворвался молодецкий прокуренный хохот. Я подошёл к окну и увидел небольшую группу молодых крепких коллекторов. Парни стояли в кружок, смеялись и как-то неестественно похлопывали друг друга по плечам.

— Серый, ты Вована видал? — услышал я вопрос. — Пропал мужик. Мы тут брали старушку...

Я поморщился и перестал прислушиваться. Но тут моё внимание привлекла старая сторбленая нищенка. Она торопливо прошла мимо ребят,

потом обернулась и прошепелявила:

— Солнце скрывается от лишённых зрения!

— Чё ты сказала, старая?

— То не я, то Антоний Великий сказал, —
ответила старушка и пропала.

Вечером того же дня звонарь ударил в колокол, зазывая народ на церковный Чин прощения. Обходя и стараясь не коснуться коллекторов, люди шли группами в храм. А вышибалы, привыкшие фискалить и важничать, постепенно превращались в крохотный островок, который того и гляди скроется в волнах огромной человеческой реки, искрящейся улыбками радости и бескорыстия.

— Володя, что же вы остановились, пойдёте, служба начинается! — обратилась пожилая интеллигентного вида женщина к рослому пучеглазому парню. Парень будто врос в придорожный сугроб и поверх толпы наблюдал молчаливую группу коллекторов, ёжившихся к обочине по другую сторону дороги.

— Пойдёмте, Зоя Степановна, это я так, прощался вроде, — ответил парень, неловко улыбаясь.

— Ах, Володя, вы мне так помогли, что бы я без вас делала — ума не приложу!

Женщина взяла парня под локоток.

— Пойдёмте же, Господь ждёт.

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

КАК ТОЛЬКО МЫ ЗАДУМЫВАЕМСЯ о смысле собственной жизни, наши представления выходят за пределы привычной формулы отношений «ты — мне, я — тебе». И не беда, что с годами мы напоминаем мудрецов, не знающих конечного пристанища своим мыслям. Об этом сказал Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю».

Есть замечательный текст. Лекция профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова «Почему Христос не родился императором?»

Действительно, если бы Христос родился в венценосной семье и к двадцати годам взошёл на трон, сколько хорошего Он успел бы сделать за время Своего правления! Ведь процветали унижительное бесправие одних и олигархическая вакханалия других — рабство. Так нет же. Христос

родился в семье простого плотника и до тридцати годков помогал отцу с матерью. Странно! И только в течение следующих трёх лет Он совершал Своё общественное служение: кого-то вразумил, кому-то помог, кое-кого вылечил.

Человечество, окружавшее в то время будущий Израиль, понятия не имело о том, что Бог «гостит» на Земле. Когда же Христос воочию явил свою Божественную Сущность — воскрес и вознёсся на небо, — четыре пожилых человека записали как могли «воспоминания» об Учителе, и вскоре все (кроме Иоанна) разделили мученическую кончину апостолов, реальных свидетелей земной жизни Спасителя. Такую жирную точку на историческом пергаменте враг рода человеческого ещё не ставил!

Смысл жизни никогда не открывается человеку ради удовлетворения его праздного любопытства — «Хочу всё знать!». Это в телевизоре почтенные знатоки соревнуются в количестве ячеек памяти, забитых, как в магазине «Дисконт», всякой всячиной. Если бы Сократ предложил свою кандидатуру на роль ведущего этого телевизионного шоу, его бы высмеяли: «Он же ничего не знает! И ведь знает, что ничего не знает, а всё туда же, в знатоки. У-у, наглый антик!»

Впрочем, Сократ и сам бы не согласился провести вечер в компании любопытствующих интеллектуалов. Это, как показывает история, не к добру.

Смысл жизни проявляется всегда неожиданно. Так подводная лодка, совершая кругосветное боевое дежурство, всплывает в чужих пределах. Представьте. На море штиль, огромная субмарина «выпучилась» из воды на полкорпуса и лениво, сверкая металликом, нежится в лучах полуденного солнца. Команда застыла в торжественном построении на хребте симпатичного «морского чудища». Груды матросов вдыхают йодистый аромат натурального воздуха естественной концентрации. Хочется жить!

Но пора, пора на глубину, до следующего прозрения...

Так и Христос пришёл в мир не ублажить любопытного потомка историческими свершениями доброго, наделённого властью дяди, но исправить то внутреннее недомогание, которое тысячами заставляло человека поступать противу естественного желания блага. Судите сами: каждый из нас хочет для себя мира, любви, процветания (патологические исключения не в счёт), и в то же время почти каждый из нас совершает в жизни насилие и сеет злобу. Великий мудрец древности апо-

стол Павел говорил: «Творю не то доброе, что хочу, но то злое, что ненавижу». Конечно, в словах апостола много преувеличения (Павел был по натуре человек горячий!), но формула человеческого неблагополучия им высказана предельно ясно.

Так вот что, оказывается, задумал исправить в человеке Иисус! Самое трудное, глубокое...

Бионика открыла прямую связь внешних макропроцессов (поведение, расстановка приоритетов) с неприметной работой мельчайших наночастиц. Выходит, что микроповреждения самых интимных органов (души, совести, сердечной интуиции) более губительны для нас, чем телесные макроизъяны! А ведь именно к малой харизме человеческого «я» и ластится грех. Именно её старается лукавый разрушить в первую очередь. Потому-то Христос пришёл не как трибун, но как Целитель.

За два тысячелетия стёрлась жирная бесова мета. Физическая смерть апостолов обернулась духовным рождением Церкви Христовой. В ней (как в «частной клинике»!) Господь по сей день оперирует человеческий микрокосмос, совершая невидимую стороннему глазу работу.

Оттого некоторые из нас под вечер выключают телевизор, набитый розово-голубой патокой

любопытства, и задумываются о смысле собственной жизни.

Вот в такие минуты, друзья, будем особо внимательны. На горней лужайке нашей интимной сущности, среди сорняков и «ландшафтных» нестроений, там, где пробиваются к солнцу заветные наноцветочки, — появился Хозяин!

ЛЕТИ, НИКА!

ПОРАЗИТЕЛЬНО! Как только глина в руках художника обретает человеческие формы, кажется, что внутри вовсе не серая аморфная масса, а реальные анатомические органы. Посмотрите на Нику Самофракийскую. Под тончайшей туникой вздымаются чувственные груди и бьётся настоящее трепетное сердце. Как она хороша! Воистину античный мастер уподобился Богу и из безликой глины создал восхитительный живой образ!

...Затаив дыхание, вхожу в мастерскую художника. Вот она, кузница Гефеста! Оглядываю прикрытые целлофаном ванны с глиной (грядущая плоть!). На рабочем столе разбросаны графические листы, выполненные углём и акварелью (чертежи будущего чуда!). Вот-вот вернётся хозяин. Он увидит чужака и наверняка рассердится,

или ему станет вдруг неловко от моего непрошеного присутствия, ведь художники — природы непредсказуемые.

Делаю шаг к двери и чувствую, как в моё сердце по коронарным артериям втекает сверкающий ручей. Догадываюсь — это ручей Красоты.

Смотрю вслед его бегущим серебристым водам. Ручей множится, прокладывает русло сквозь тысячи особых человеческих дарований. Реки красоты сливаются в моря, образуя цивилизационные пространства. В этих пространствах рождается человеческая культура, новая, неведомая аналитическому уму!..

...В каждом из нас сидит булгаковский дармоед Шариков. Увы, покидая «Божественную мастерскую», мы начинаем исподволь, а потом и намеренно проявлять свою аморфную глиняную сущность. Помните, раньше продавались забавные игрушки, у которых можно было смять резиновую маску в любую гримасу? Так и мы. Оставьте нас Бог Своим вниманием хоть на малое время, мы тотчас начинаем портиться и как фрагмент Высочайшего замысла, и просто как вещь.

К чему я говорю всё это? Вот к чему.

Есть расхожая фраза «Художника обидеть может каждый». Конечно, эта фраза — шутка.

Но в ней, как в каждой шутке, есть доля правды. Поэтому, люди добрые, негоже нам, затвердевшим, мять бока глиняному собрату, не желающему твердеть! Давайте научимся быть терпимыми и благосклонными к иноходцам нашей глиняной стаи. Пусть они малюют своё художество, плачут из-за него, дерутся, не спят по ночам! Их ночные посиделки, глядишь, и нам дорожку высветят.

Давайте скажем:

— Малюй, Доменикос Теотокопулос с острова Крит*, ваяй, Пифокрит из Линдоса**!

Лети, Ника!

* Имеется в виду Эль Греко — великий испанский живописец, скульптор и архитектор эпохи Ренессанса.

** Пифокрит — древнегреческий скульптор, предполагаемый автор статуи Ники Самофракийской.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Книга длиною в жизнь</i>	5
<i>Предисловие</i>	9

ПОНЕДЕЛЬНИК

День рождения	13
Собственник времени	16
Страсти по Фейсбуку	21

ВТОРНИК

Вечернее размышление	27
Русское поле «премногоблагодарения»	33
А. и Б.	39
Он выплывет!	43

СРЕДА

Из Костромы в Кинешму (опыт одиночества)	49
Гимн одиночеству	57
Два слова о парапсихологии	61

ЧЕТВЕРГ

Старая фотография	69
Фотолаборатория судьбы	73
Река времени	76

ПЯТНИЦА

Анатомия боли	81
Собеседники Бога	83
Памяти погибших журналистов	87

СУББОТА

Что отдал, то твоё	91
Первое июня	94
Потом посмотрим, или сначала...	97

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прощёное воскресенье	103
О смысле жизни	108
Лети, Ника!	113

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

НЕДЕЛЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Редактор *Эдуард Побужанский*
Художник *Валерий Бабин*
Дизайн и вёрстка *Дмитрий Климович*
Корректор *Любовь Шубная*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.
Формат 120х170 мм. Печать цифровая.
Заказ № 8055. Подписано в печать 19.10.2017.
Тираж 100 экз.

ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»
127247, Москва, Дмитровское ш., д. 100, стр. 2,
тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89,
емэйл: 2234439@mail.ru.

IZDAT.SU

ISBN 978-5-9909135-8-5

9

785990

913585

ОБ АВТОРЕ

БОРИС АЛЕКСЕЕВ родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский инженерно-физический институт по специальности «физика ядерного реактора». Член Московского союза художников. Руководит стенописной артелью «Радость», специализирующейся на росписи православных храмов. Автор книги стихов «Житейское море». Живёт в Москве.

